

УДК 304.2:008:316.42

Социокультурная среда и феномен «пограничного человека»

Слемнев М.А.

Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск

Современный мир рассечен множеством границ: политических, экономических, этнических, культурных и др. Это способствует возрастанию философско-методологического интереса к исследованию поведения людей, оказавшихся в зоне пересечения различных социальных практик.

Цель статьи — определить системные элементы социокультурной среды и раскрыть влияние ее пограничного состояния на жизнедеятельность человека.

Материал и методы. Материал исследования — человек культурного пограничья. Используются традиционные общелогические и теоретические методы познания (абстрагирование, обобщение, анализ и синтез, идеализация и др.).

Результаты и их обсуждение. Проведен компаративный анализ понятий «социокультурная реальность» и «социокультурная среда». Выделены важнейшие системные элементы социокультурной среды. Исследованы различные типы «пограничного человека». В контексте социокультурных реалий современного белорусского общества рассмотрен феномен «положительной маргинальности».

Заключение. В глобализирующемся мире человек либо по своей воле, либо в силу объективных обстоятельств все чаще оказывается в культурном пограничье. Некоторые же народы, в том числе и белорусский, находятся в нем длительное историческое время. Учет социокультурных особенностей пограничных ситуаций является необходимым условием для разработки оптимальной стратегии поведения и развития как отдельного человека, так и целых историко-культурных общностей.

Ключевые слова: социокультурная реальность, социокультурная среда, культурное пограничье, маргинальность, пограничный человек.

(Ученые записки. — 2017. — Том 23. — С. 111–118)

Social and Cultural Environment and the Phenomenon of «Borderline Man»

Slemnev M.A.

Educational Establishment «Vitebsk State P.M. Masherov University», Vitebsk

Contemporary world is intersected by multiple borders: political, economic, cultural etc. This promotes the increase in the philosophical and methodological interest in studying the behaviour of people who find themselves in the area of intersection of different social practices.

The purpose of the article is to identify system elements of social and cultural environment and to reveal the influence of its borderline state on human life activity.

Material and methods. The object material is the man of cultural borderline area. Traditional general logical and theoretical methods of cognition (abstraction, generalization, analysis and synthesis, idealization etc.) are used.

Findings and their discussion. Comparative analysis of the concepts of social and cultural reality and social and cultural environment is made. Most important system elements of the social and cultural environment are singled out. Different types of the borderline man are studied. In the context of social and cultural realities of the contemporary Belarusian society the phenomenon of positive marginality is considered.

Conclusion. In the globalized world the man, whether he wants it or not, more and more often finds himself in cultural marginality. While some of the people, like Belarusian, have lived historically long time in it. Consideration of social and cultural features of marginal situations is a necessary condition for the elaboration of optimal strategy of the behavior and development of both an individual and whole historical and cultural communities.

Key words: social and cultural reality, social and cultural environment, cultural borderline area, marginality, borderline man.

(Scientific notes. — 2017. — Vol. 23. — P. 111–118)

Адрес для корреспонденции: e-mail: mihail_slemnev@mail.ru — М.А. Слемнев

Современный мир рассечен множеством самых различных границ: этнических, политических, экономических, культурных и др. Некоторые из них в условиях глобализации подвергаются радикальной переконфигурации или стираются вовсе. Но под влиянием процессов регионализации и локализации, которые в известном смысле представляют оборотную сторону глоболизирующегося мира, вместо исчезнувших границ появляются новые, еще более многочисленные и разнообразные. Это способствует возрастанию философско-методологического интереса к исследованию поведения людей, оказавшихся в зоне пересечения различных социальных практик.

Цель статьи — определить системные элементы социокультурной среды и раскрыть влияние ее пограничного состояния на жизнедеятельность человека.

Материал и методы. Материал исследования — человек культурного пограничья. Используются традиционные общелогические и теоретические методы познания (абстрагирование, обобщение, анализ и синтез, идеализация и др.).

Результаты и их обсуждение. Понятие «социокультурная среда» пока что не получило строгого научного статуса. Помочь в этом может его сравнение с другим, родственным по смыслу — «социокультурной реальностью» [1; 2]. Оба они имеют общий конъюнктивный член — «социокультурное». Именно это подчеркивает их семантическую близость.

В концепте «социокультурное» обращено внимание на органическое единство социальной и культурной граней общества. Социальное указывает на объективную потребность совместной человеческой активности, которая и как процесс, и как результат обладает над-биологической значимостью. Культурное — на искусственный характер способов, средств и результатов всех видов деятельности, поведения и общения людей как социальных существ. Социальное и культурное органически проникают друг в друга: социальное имеет культурное измерение, а культурное — социальное.

Анализируемые понятия различаются третьим членом. В первом случае это «реальность», во втором — «среда». Термин «реальное» подчеркивает факт бытийности социокультурного, его присутствие в мире. «Среда» — наличие особого локуса, места социокультурного обитания людей,

где они осуществляют свою деятельность, выстраивают социальные отношения и общаются друг с другом. Разумеется, все это происходит в соответствующей природной среде.

Понятие «социокультурная реальность» является мировоззренческой универсалией. Ее назначение заключается, прежде всего, в том, чтобы обеспечить интегрально-схематическое видение социального бытия, дать его обобщенный абстрактно-понятийный образ. Можно сказать, что это философская категория предельно широкого субъект-объектного звучания. Поэтому всякие «попытки описать социокультурную реальность как таковую имеют смысл в рамках философии, но нецелесообразны в социальных науках» [2, с. 163]. И, думается, что не только нецелесообразны, но и вряд ли осуществимы.

В социогуманитарном дискурсе актуализируется другое понятие — «социокультурная среда». Масштаб и сфера его эвристико-методологического действия несколько скромнее, чем у родственного с ним. Оно является более конкретным, заземленным, привязанным к непосредственному жизненному миру человека, к природным, социальным и культурным условиям его существования.

Абстрактная диадическая связка «общество—культура», зафиксированная в концепте «социокультурная реальность», наполняется здесь эксплицитным личностным смыслом и принимает форму монолитной антропосоциокультурной триады «человек—общество—культура», погруженной в соответствующий природный и культурный ареал жизнедеятельности людей.

Социокультурная среда и в малых, и в больших локусах структурирована. При системном подходе в ней можно выделить два взаимосвязанных уровня организации.

Первый, фундаментальный (его можно условно назвать внутренним) формируется стихийно в процессе групповых взаимодействий людей друг с другом и окружающей их природой с целью удовлетворения простейших жизненных потребностей. Главным его содержанием являются традиции, которые передаются из поколения в поколение с помощью сложных механизмов биосоциального наследования. Устоявшиеся привычки, нравы и обычаи принимаются обыденным сознанием без особого ментального напряжения и критического осмысления. Это наиболее консервативная часть социокультурной среды. Любые но-

вазии, которые затрагивают историческую память и сложившийся код национальной культуры, встречают активное сопротивление со стороны «коллективного бессознательного».

Второй (внешний), институциональный уровень социальной среды является достаточно динамичным и рефлексивным. Он призван организовать на основе специальных категориально-понятийных матриц хозяйственно-экономическую, политическую, религиозную, научную, технико-технологическую и другие виды совместной жизнедеятельности с учетом внутренних проблем социума и внешних цивилизационных вызовов.

На социетальные структуры общества возложен ряд функций, важнейшими из которых являются жизнеобеспечивающая, интегрирующая, дифференцирующая и регулирующая. Как подчеркивает Н.И. Лапин, жизнеобеспечивающая функция ответственна прежде всего за производство, обмен и распределение материальных благ; интегрирующая — социализацию индивидов; дифференцирующая — сохранение и изменение структуры статусов и ролевых позиций субъектов социальных действий и взаимодействий; регулирующая — эффективное использование создаваемых обществом материальных и иных ресурсов [3, с. 7–11]. Эти функции поочередно выполняют экономика, духовная культура, социальные институты и властно-политическая система. Каждое социетально-функциональное образование пользуется своими специфическими средствами. Для жизнеобеспечивающей главное среди них «деньги; для интегрирующей структуры — ценностные ориентации, способы действий (технологий), образцы; для дифференцирующей структуры — социальные требования, нормы, престиж; для регулирующей структуры — власть, социальные программы» [3, с. 10].

В социокультурной среде нередко выделяют вещные, материальные и духовные, идеальные образования. Компонентами первого типа являются представители материальной культуры, техносферы. Предметы материальной культуры играют двоякую роль. Во-первых, они служат практическим целям и в таком качестве их можно считать социальными сущностями, во-вторых, являются феноменами культуры, особыми текстами, которые хранят и транслируют социально значимую информацию. Органическое соединение социального и

культурного в «искусственной природе» очевидно. К компонентам второго типа обычно относят традиции, образцы деятельности и поведения, верования, нормы и идеалы, социальные ценности и др. Если воспользоваться известной марксистской терминологией, это все то, что присутствует на различных уровнях общественного сознания, которое не только производно от общественного бытия, но в силу своего креативного характера в определенном смысле творит его и регулирует историческую динамику.

Значительный интерес представляет предложенное И.Я. Левяшем структурирование социокультурной среды путем фиксации в ней следующих системных блоков:

а) одухотворенная материя (трудовая, демографическая, экологическая культура);

б) духовная культура (языковая, образовательная, этносоциальная и конфессиональная);

в) культура регионального управления (экономическая, политическая, правовая, идеологическая) [4, с. 5–12]. Разобраться в содержании и особенностях функционирования указанных системных элементов помогает обращение к историко-цивилизационным началам их формирования, к фундаментальному, базовому уровню организации социокультурных структур общества.

В своем диалектическом единстве отмеченные вертикальные и горизонтальные, внутренние и внешние социокультурные схематизмы, с одной стороны, есть результат, а с другой — необходимое условие устойчивого функционирования и развития социума.

Социокультурная среда, как и любая качественная определенность, имеет свои темпоральные и топологические границы. Они задаются, в первую очередь, разделяемыми людьми социальными символами, ценностями и нормами поведения и общения. В итоге появляется множество локализованных социокультурных пространств, каждое из которых очерчивает контуры социокультурного окружения человека. За их пределами вместо привычных «Мы» и «Свои» живут уже «Они» и «Чужие» с соответствующей степенью ментального, языкового, ценностно ориентированного и других видов социокультурного удаления друг от друга. Зона пересечения сопряженных социокультурных пространств — это место взаимодействия людей, прошедших социали-

зацию в различной социокультурной среде и в той или иной степени укоренившихся в ней.

Для исследования социального поведения как отдельного человека, так и различных социальных общностей, осуществляющих свою жизнедеятельность в культурном пограничье, активно используется понятие «маргинальность» (от латинского *margo* — край, граница). Семантическая многомерность термина «маргинальность», равно как и образованных с его помощью словосочетаний «маргинальный человек», «маргинальная культура», «маргинальное состояние», нередко вносит путаницу в оценивание соответствующих явлений по шкале «негативное—позитивное».

Логико-семантический анализ работ, в которых используется термин «маргинальное» (Р. Парка, У. Самнера, Э. Стонквиста, А. Шлюца, Э. Хьюза и др.), позволяет указать на существование, по меньшей мере, трех разных значений этого термина и, соответственно, столько же типов маргинального, «пограничного человека».

1. Маргинальность как нахождение на краю, периферии, границе, удалении от некоторого центра, который считается нормой культурного облика человека, социальной группы, народа, страны и даже целых цивилизаций. Причем, «независимо от того, говорится ли о таких маргиналах с презрением или сочувствием, коннотация этого слова — негативная вплоть до пейоративной» [5, с. 354]. Подобный маргинал может чувствовать себя нормально только в одном месте — в своем «социокультурном доме».

2. Маргинальное состояние понимается не как нахождение социального субъекта на обочине, на краю определенной культуры, а между различными культурными мирами, один из которых был добровольно или принудительно покинут (по терминологии Р. Парка, совершился «уход из дома»). Яркий пример — мигранты. Пограничная ситуация в предельном варианте здесь такова, что маргинал данного типа отторгается и новой культурой («куда пришел»), и старой («откуда вышел»). Он везде «чужой», ибо по ряду основных параметров своего социокультурного существования (языку, традициям, религиозной вере, манерам поведения и общения и др.) не вписывается в сопряженные с ним культурные комплексы, «зависает» между ними. Это «несчастливая личность, мечущаяся между несовместимыми культурными мирами,

нигде не чувствуя себя “как дома”, раздираемая внутренними противоречиями и мучительным самоконтролем» [5, с. 371]. Такое состояние не может быть продолжительным. В перспективе оно завершается полной ассимиляцией и манкуртизацией индивида.

3. Третий тип маргинальности касается тех естественных социальных общностей, которые, начиная со своего генезиса, были «зажаты» между различными культурными мирами. Для сохранения своей этнической самобытности им приходилось в процессе длительной исторической эволюции вырабатывать защитные социокультурные механизмы. В итоге формировался своеобразный «бикультурный», «гибридный», «андрогинный» тип человека [6]. В отличие от маргиналов первых типов последний является носителем существенных признаков двух культур одновременно. Это позволяет ему успешно осуществлять жизнедеятельность в «буферной» пограничной зоне. Специфику такого раздвоенного человека, пожалуй, наиболее точно характеризует слово «андрогин». Известно, что андрогинами назывались персонажи древнегреческой мифологии, в которых мужское начало и женское находились в устойчивом равновесии. Если проводить аналогию, то ситуация чем-то напоминает созданный физиками дуалистический, квантово-волновой образ элементарной частицы, описать поведение которой можно только с позиций принципа дополнительности.

В реальной жизни «чистых» социальных субъектов (и отдельных индивидов, и социальных общностей) андрогинного образца не бывает. Это всего лишь идеальный конструкт. Но он позволяет в общих чертах выразить транснациональный, кросскультурный дух «позитивного маргинала».

Наиболее часто маргинальность андрогинного типа встречается в регионах, непосредственно примыкающих к политической границе. Ее историческая подвижность и длительные культурные диффузии приводят к возникновению уникального социокультурного пространства, в котором живет «пограничный человек» как особый культурно-антропологический тип. На его этнопсихологический, духовно-нравственный и, в целом, социокультурный облик влияют история взаимоотношения народов, которая откладывается в их социальной памяти, разделяющая их языковая дистанция, менталитет, религиозная вера, степень прозрачности админи-

стративных границ в прошлом и настоящем и др. Но при любых обстоятельствах люди приграничья острее других ощущают экономическое, идеологическое и культурное дыхание сопредельной стороны.

Примером наличия процессов исторически длительной «андрогинизации» населения смежных территорий может служить социокультурная ситуация, сложившаяся в современном белорусско-российском приграничье. Государственная граница между Беларусью и Россией в ее нынешнем виде может быть лишь с известной долей условности названа таковой. К ней более подходит проникшее в современный социокультурный лексикон английское слово «фронтир», которое в свободном переводе означает «мост», «ворота», «контактная область». В отличие от классической границы «фронтир» является зоной комплементарного взаимодействия во многом схожих политических, экономических и социокультурных практик. Как результат, белорусско-российский «пограничный человек», несмотря на образование после распада СССР двух суверенных государств, оказался, а точнее говоря, остался «психологически, социокультурно, этноконфессионально, лингвистически в равной степени адаптирован к Белоруссии и России» [7, с. 134]. В равной степени, возможно, сильно сказано, а что хорошо — это несомненно.

Постепенному формированию подобной адаптированности способствовали сложное переплетение исторических судеб родственных народов и мобильность разделяющих их административных границ. Взять, к примеру, северный белорусско-российский приграничный регион, который образуют Псковская и Витебская области. Границы между ними часто менялись. Последняя радикальная перестройка произошла в 1924 году, когда территория Псковской губернии была увеличена за счет присоединения трех уездов Витебской губернии: Себежского, Невельского и Велжского.

Включение белорусского населения в русскую социокультурную среду не изменило его конфессиональной принадлежности (здесь доминировало православие), но со временем сказалось на этническом составе и языковой культуре. Так, сегодня в Себежском районе только каждый десятый из опрошенных отметил, что может хорошо говорить по-белорусски, еще 8% — не совсем свободно, 19% — в целом понимают язык, но не все слова. При этом 10%

респондентов Псковского региона сообщили, что имеют белорусские этнические корни (скорее всего их больше, только не знают об этом). На наличие близких и дальних родственников в Беларуси указало 18%, а друзей и хороших знакомых — 27%. Иными словами, тесные родственно-дружеские связи с жителями соседней страны поддерживают 45% [8, с. 235–249].

Примерно такая же ситуация сложилась в Смоленско-Витебском приграничном регионе. В 1859 году семь западных уездов Смоленской губернии, включая и Смоленский, были почти полностью белорусскими по своему этническому составу. Доля белорусского и смешанного белорусско-российского населения в них превышала 90%. Согласно переписи 1897 года сохранился лишь один преимущественно белорусский уезд — Краснинский.

В остальных доля русского населения уже превысила 90%. Сегодня этот процент характеризует практически все белорусское приграничье Смоленщины. Оно в принципе не отличается от Псковского и по количеству родственно-дружеских связей с жителями сопряженной белорусской территории, и по знанию белорусского языка, и по доминированию православия. Что касается белорусской стороны, то русским языком здесь в той или иной мере совершенства владеют все. И хотя 80% опрошенных жителей белорусско-российского приграничья назвало белорусский язык родным, в быту, общении с друзьями и на работе они обычно пользуются русским языком. Поэтому для перевода билингвизма, законодательно оформленного 20 лет назад, в практическую плоскость необходимо усиливать его белорусскую составляющую, прежде всего, с помощью системы образования и культуры. Следует также помнить о том, что реальное двуязычие в приграничье (да и не только в нем) весьма далеко от литературной нормы. Оно, особенно в сельской местности, часто имеет вид известной белорусской «трасянки».

Этноязыковое родство населения, его принадлежность к православно-славянскому миру, множество смешанных браков, схожие традиции, образ жизни и стиль поведения дают возможность «бикультурному», «андрогинному» человеку белорусско-российского приграничья свободно осуществлять свою жизнедеятельность в современной «стыковой» социокультурной среде, а при пересечении границы не чувствовать себя «чужаком».

Одним из подтверждений подобной социокультурной амбивалентности может служить следующий факт. Удельный вес белорусов в Витебской области составляет примерно 85%, русских – 12%. Социологические исследования показали, что около 40% респондентов-русских отождествляют себя с белорусским народом. Как отмечает И.Я. Левяш, это свидетельствует о существовании процессов, противоположных русификации-белорусизации русского населения. Русские, живущие в Беларуси, не просто демонстрируют «лояльность и близость к белорусскому народу, но и общую с ним социокультурную самоидентификацию» [4, с. 10].

Не ощущают себя отторгаемыми маргиналами и белорусы, которые постоянно или временно проживают в российско-белорусском приграничье. И не только потому, что они попадают в привычную для них социокультурную среду. Очень важно и сложившееся здесь общественное мнение о белорусах. Российские социологи установили, что «образ белоруса в представлении всех респондентов носит исключительно положительный характер, ни одна из выборок не включила в число модальных характеристик белоруса каких бы то ни было недостатков» [9].

Безусловно, традиционная оппозиция «Мы – Они» в белорусско-российском приграничье имеет место. Но она не носит конфронтационного характера и, тем более, не является жесткой демаркационной линией социопсихологического, религиозного и языкового отчуждения. Все это является хорошей основой для развития и углубления интеграционных процессов в белорусско-российском приграничном регионе.

Следует, однако, иметь в виду, что достаточно продолжительное нахождение братских народов в различных политических, правовых и идеологических полях, известная разнокачественность экономических укладов не смогли не повлиять на сознание людей, особенно молодежи, которая прошла социализацию после распада СССР уже в разных государствах. Очагов приграничного межнационального напряжения сегодня не наблюдается. Но полностью исключать возможность их возникновения нельзя. Этому, в частности, способствуют так называемые газовые, нефтяные и продуктовые «войны», предвзятые оценки в одиозных СМИ внутренней и внешней политики двух государств. Нельзя забывать

и о том, что в кризисные времена, когда становится неуютно жить в настоящем, виновников всех бед нередко ищут в историческом прошлом, акцентируя при этом внимание на далеко не лучших страницах взаимоотношений народов и государств. Ведь при желании их всегда можно найти в любой стране. Активисты же радикальных национальных движений, которые стоят на страже своих этнических рубежей, охраняя их чистоту от внешних заимствований, в такие моменты способны нарушить устоявшееся национальное согласие. Можно надеяться, что белорусско-российским отношениям такое вряд ли грозит. Тем не менее процессы, происходящие в социокультурной среде приграничья, нуждаются в тщательном изучении, отслеживании динамики и, при необходимости, аккуратной корректировке.

Социокультурный ареал проживания маргинального человека третьего типа было бы неправильно ограничивать только зоной приграничных территорий. Как уже отмечалось, в силу сложившихся историко-цивилизационных и иных обстоятельств пограничным в рассматриваемом здесь смысле может оказаться целый народ. Примеров предостаточно: византийско-турецкое культурное взаимодействие в Анатолии XIV–XV вв., двуименность представителей династии Великих Комнинов в Трапезундской империи, многие из которых имели как греческое, так и тюркское имя, секта алавитов в Сирии, в которой в равной степени почитаются и пророк Мохаммед, и Иисус Христос и др. [6].

Нам представляется, что «андрогинная» модель «пограничного человека» хорошо резонирует с социокультурными реалиями современного белорусского общества. С определенными оговорками можно считать, что такие известные ментальные качества белорусов, как этноконфессиональная толерантность, умение ладить с соседями, ориентация на «минимум страданий», а не на «максимум удовольствий», относительная гармония между материальной и духовной сторонами жизни, индивидуализмом и коллективизмом, соборностью, имеют под собой латентно-бессознательную, архетипичную основу, имя которой – пограничность западно-восточного образца.

Можно ли такой тип маргинальности применительно к белорусскому обществу назвать положительным? Очень распространенным, да, пожалуй, наиболее распространенным является мнение, что ни

в коем случае нельзя. Так, многочисленные отечественные «славянофилы» и «западники» считали и считают сегодня длительное балансирование белорусов между Востоком и Западом самым существенным изъяном их жизненной стратегии. Они настаивают на необходимости занять прочное место на каком-то одном из «геополитических стульев»: одни — на восточно-славянском, другие — на западно-европейском. С грустью о вечно «срединном» положении белорусского народа пишет известный польский поэт и филолог, этнический белорус из Белосточки Ян Чиквин: «Мы заўсёды паміж» (из эссе «Мы зрабілі памылку»). Часто цитируемый в последнее время талантливый белорусский историк и культуролог И. Абдиралович также отмечал, что в вынужденном лавировании между Востоком и Западом у белорусского народа четко просматривается «шчырая няпрыхільнасць ні да аднаго, ні да другога...» [10]. Такое отторжение, «няпрыхільнасць», действительно имело и имеет место. Но оно всегда сопровождалось селективным заимствованием жизненного опыта соседей. Как следствие, «чужое» постепенно трансформировалось в «свое» и становилось, говоря словами Гегеля, «своим другим», а пограничье превращалось в место рождения новых и удержания старых смыслов. Такая «социальная мимикрия» очень востребована в наши дни.

В современную эпоху «маргинальный минус» белорусского народа оборачивается большим общецивилизационным плюсом. Маргинальность как способность обеспечивать «мирное сосуществование» различных культур на одном носителе является признаком не ущербности, а цивилизованности народа. Ранее перечисленные ментальные качества позволяют белорусам органически вписаться в стремительно глобализирующийся мир. Как справедливо отмечает Ю.В. Чернявская, страны адаптивного типа (Китай, Япония и др.), умеющие аккуратно ассимилировать новейшие достижения современной цивилизации без перестройки ментального кода своей культуры, оказались в более выигрышном положении, чем замкнутые, ограничивающие себя узконациональными рамками традиционные этносы. Но, к сожалению, феномен «положительной маргинальности» до сих пор «не расценен должным образом — не как повод для бессмысленных причитаний, а как перспектива развития» [11]. Думается, что

без признания решающей роли пограничного фактора культурное развитие Беларуси, в том числе и формирование национального самосознания ее народа, успешным сегодня быть не может.

Промежуточное положение Беларуси между Востоком и Западом таит в себе не только огромный геополитический, но и социокультурный потенциал. Его реализация возможна лишь в рамках поликультурной парадигмы. Белорусская культура может быть полной и целостной лишь в том случае, если окажется способной выразить противоречивый пограничный дух народа как реально существующей социально-исторической общности. Что касается существующего практического неравенства двух государственных языков — белорусского и русского, то такое положение дел следует признать ненормальным. Его надо непременно исправлять, и делать это необходимо последовательно и настойчиво, но, как заявил председатель комиссии Палаты представителей по образованию, культуре и науке Национального собрания Республики Беларусь Игорь Марзалюк, «без насилия и принуждения» [12]. Языковая политика в стране должна соответствовать социокультурным реалиям и ментальному духу народа.

Заключение. В глобализирующемся мире человек либо по своей воле, либо в силу объективных обстоятельств все чаще оказывается в культурном пограничье. Некоторые же народы, в том числе и белорусский, находят в нем длительное историческое время. Учет социокультурных особенностей пограничных ситуаций является необходимым условием для разработки оптимальной стратегии поведения и развития как отдельного человека, так и целых историко-культурных общностей.

Работа выполнена в рамках научной темы ГПНИ (договор ГПНИ № 08/16, 2016–2018 гг.).

Литература

1. Слемнев, М.А. Социокультурная реальность: структура и факторы исторической динамики / М.А. Слемнев // Ученые записки УО «ВГУ им. П.М. Машерова». — 2016. — Т. 22. — С. 99–106.
2. Орлова, Э.А. Социокультурная реальность: к определению понятия / Э.А. Орлова // Вопросы социальной теории. — 2008. — Т. II, вып. 1(2). — С. 161–175.
3. Лапин, Н.И. Социокультурный подход и социально-функциональные структуры / Н.И. Лапин // Социологические исследования. — 2001. — № 7. — С. 3–12.

4. Левяш, И.Я. Теоретические вопросы регионологии / И.Я. Левяш // Псковский регионологический журнал. — 2015. — № 22. — С. 3–17.
5. Николаев, В.Г. Человек маргинальный / В.Г. Николаев // Вопросы социальной теории. — 2010. — Т. IV. — С. 354–372.
6. Кочан, В.М. Формирование человека приграничья: маргинализация, интеграция, андрогинизация [Электронный ресурс] / В.М. Кочан. — Режим доступа: <http://www.info-library.com.ua/libs/stattya/1912-formirovanie-cheloveka-iogranichja-marginalizatsija-iintegratsija-androginizatsija.html>. — Дата доступа: 12.05.2017.
7. Востриков, С.В. Парадоксы национального восприятия в условиях приграничья: исторические особенности развития этноэволюционных процессов / С.В. Востриков // Образы России и Беларуси в контексте приграничья. — Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2013. — С. 70–138.
8. Манаков, А.Г. Историко-культурная детерминация и социокультурная специфика белорусско-российского приграничья (на примере Псковского региона) / А.Г. Манаков // «Новый регионализм» и белорусско-российское приграничье. — Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2012. — С. 235–249.
9. Сикевич, З.В. Русские, украинцы, белорусы: вместе или врозь? / З.В. Сикевич // Социологические исследования. — 2007. — № 9. — С. 59–69.
10. Абдзіраловіч, І. Адвечным шляхам [Электронный ресурс] / І. Абдзіраловіч. — Режим доступа: http://knihi.com/Ihnat_Kanceuski/Adviesnym_slacham.html. — Дата доступа: 03.01.2017.
11. Чернявская, Ю.В. Пять парадоксов национального самосознания белорусов [Электронный ресурс] / Ю.В. Чернявская // Журнал Индекс. — 2001. — № 15. — Режим доступа: <http://index.org.ru/journal/15/15-chern.html>. — Дата доступа: 24.12.2016.
12. Равенство государственных языков будет устанавливаться без насилия и принуждения [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://house.gov.by/ru/interview-ru/view/ravenstvo-gosudarstvennykh-jazykov-budet-ustanavlivsja-bez-nasilija-i-prinuzhdenija-991/>. — Дата доступа: 15.05.2017.

Поступила в редакцию 16.05.2017 г.